

Я В ПОРЯДКЕ

и другая ложка

МИРОВОЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

18+

Интимные истории,
запретные желания
и невысказанные секреты
о том, как стать собой

ТОВА ЛИ

МИФ Саморазвитие

Това Ли

**Я в порядке и другая ложь.
Интимные истории, запретные
желания и невысказанные
секреты о том, как стать собой**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2020

УДК 392.3
ББК 88.37

Ли Т.

Я в порядке и другая ложь. Интимные истории, запретные желания и невысказанные секреты о том, как стать собой / Т. Ли — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2020 — (МИФ Саморазвитие)

ISBN 978-5-00-169381-9

Что делать, когда понимаешь, что живешь жизнью, на которую не подписывалась? Обязательно ли маме быть идеальной или достаточно быть просто хорошей? Как найти баланс между стабильностью и свободой, обязанностями и желаниями? И почему обо всем этом так мало говорят честно? В своей первой книге Това Ли рассказывает историю о том, как она заново открыла себя после рождения детей и шагнула за пределы норм, навязанных обществом. Това разрушает многие стереотипы о материнстве, о женской сексуальности, о «правильном» и «неправильном» отношении к себе и к другим. Она вдохновляет сбросить оковы, перестать оглядываться на мнение других и наконец стать собой. На русском языке публикуется впервые.

УДК 392.3

ББК 88.37

ISBN 978-5-00-169381-9

© Ли Т., 2020
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2020

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Кризис	9
Глава вторая. Папина дочка	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Това Ли
Я в порядке и другая ложь.
Интимные истории, запретные
желания и невысказанные
секреты о том, как стать собой

Tova Leigh

F*cked at 40. Life Beyond Suburbia, Monogamy and Stretch Marks

Издано с разрешения Watkins Media Limited и Synopsis Literary Agency

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав

F*cked at 40

All Rights Reserved

Design and typography copyright © Watkins Media Limited 2020

Text copyright © Tova Leigh 2020

First published in the UK and USA in 2020 by Watkins, an imprint of Watkins Media Limited

www.watkinspublishing.com

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2021

Пролог

Я в лесу. Воздух прохладный, еще не рассвело. Я ступаю по влажной земле. Мне не страшно. Я свободна. Я в порядке, почти в порядке, более-менее в порядке, вроде бы в порядке. Совсем не в порядке.

Вы, наверное, гадаете, что привело меня сюда? Год назад я сошла с ума.

Однажды я проснулась и поняла, что сейчас взорвусь. У меня словно закипела кровь – и никакой лед бы тут не помог. Мне все надоело, весь мир. Я устала. Никогда прежде я так не злилась и не задыхалась от грусти и пустоты. А главное, я чувствовала себя невероятно, безнадежно одинокой.

А ведь со стороны моя жизнь казалась идеальной. На что было жаловаться? Хорошая работа, верный муж, трое детей, которые иногда, конечно, настоящие занозы в заднице, но в целом очень даже славные. А еще дом, собака и все прочие радости. Не жизнь, а мечта каждой девочки. Разве не так нам внушают с малых лет?

Но теперь я была вне себя. Мне надоели одни и те же разговоры о том, что приготовить на ужин, и о внеклассных занятиях детей. Надоел супружеский секс, уже восемь лет происходивший по одному сценарию, и надоело, что порой даже такого секса подолгу не было. Я НЕ хотела превращаться в мамочку. А как же сражать наповал, сводить с ума? Кто налепил на меня ярлык, который противоречит всей моей сущности? Мне претило одеваться по-мамски, водить мамскую машину, носить мамскую стрижку и даже быть записанной у кого-то в телефоне как мама.

Я хотела быть собой.

У меня были подруги. Они тоже стали мамочками, но почему-то даже с ними я не могла поделиться своими чувствами. Казалось, все они живут осуществившейся мечтой. А чем не мечта? Уютный пригород, дети, минивэн с вечным беспорядком на заднем сиденье, один отпуск в год, званые ужины. Каждое вторничное утро – йога, время для себя. От всего этого меня выворачивало.

Глядя в зеркало, я больше не понимала, кто я. Я видела в лучшем случае блеклую тень той, кем я была до рождения детей. Моя личность словно стерлась. И пути назад, казалось, не было.

В моих сексуальных фантазиях стал появляться садовник, которого я видела несколько месяцев назад. В тот день я отвозила близняшек в садик и, как всегда, опаздывала. На мне были штаны для йоги, джинсовая куртка и футболка, вся в пятнах от чая. Я пыталась записать детей в двойную коляску, а те разбежались в разные стороны. И тут я увидела его. В шортах, со сногшибательными кубиками на животе и громадной воздуходувкой через плечо. Он был похож на загорелого австралийского серфера из рекламы энергетических напитков, только без гидрокостюма. Я не вру. Он выходил из чьего-то дома и направлялся к своему фургону, припаркованному как раз рядом с моей машиной, а я думала: интересно, видит ли он, что я пялюсь на его татуированные бицепсы из-за темных очков? Я часто носила эти очки. Они стали частью мамской униформы, потому что прекрасно скрывали темные мешки под глазами (я недосыпала: дети часто будили меня среди ночи, чтобы, например, обсудить морковь). Еще я убедила себя, что, несмотря на мамский пучок, мамский лифчик и треники в стиле «здрав-

ствуй, бабуля», эти большие темные очки, закрывавшие пол-лица, делали меня немного похожей на Джеки Онассис¹. Естественно, я себя обманывала.

По правде говоря, мне было все равно, заметил ли он, что я на него пялюсь. Я представила, как он хватает меня и прижимает к стене, по-прежнему держа на плече свою воздушную подушку.

Вечером, укладывая спать трех дочерей, я поймала себя на том, что по непонятной причине улыбаюсь. Моя семилетка дралась с одной из младших близняшек из-за какой-то дешевой игрушки, а я пыталась притвориться, будто читать книжку для пятилеток интересно. Ничего интересного на самом деле. В статьях о родительстве редко предупреждают, как сложно обучить ребенка чтению. Так вот, покорение горшка – ерунда по сравнению с миллион раз неверно прочтенным словом «кот».

Мой муж Майк где-то пропал, и день выдался, мягко говоря, долгий. Но все это не имело значения, потому что я думала о воздушных подушках.

Ночью я лежала в кровати и мечтала о страстных романах, о путешествиях, о том, как стану кем-то еще, встречу кого-то еще и мне снова будет двадцать. Какой была бы моя жизнь, не будь я женой и матерью? Воображение переносило меня в далекие края, где я больше не была Товой – мамой троих детей из пригорода и гуру полезных перекусов. В тех краях мне не было стыдно прийти в любимый португальский ресторан, потому что мой ребенок не написал там когда-то на пол и мне не пришлось притворяться, что это яблочный сок. Там я не была мамой, постоянно изобретающей рецепты с киноа в тщетных попытках сделать этот ужас съедобным. Признайте: у киноа нет вкуса и оно никогда не сравнится с картошкой, политой расплавленным сливочным маслом. В фантазиях я становилась кем-то другим и могла делать что хочу. Я была свободна. Но наутро я просыпалась и снова оказывалась в ловушке.

С каждым днем чувство пустоты усиливалось. Я была словно дикий зверь в клетке, вся горела. Но если зверь жаждет крови, то я жаждала чего-то, чего не понимала сама.

Я начала оставлять машину в том самом месте, где видела садовника, надеясь встретить его снова. Я рассказала о нем лучшей подруге Ионите, и мы стали ходить по этой улице с колясками и заглядывать в чужие сады. Я даже надела *не* треники и впервые за несколько месяцев побрила ноги. Но он нам так и не попался.

Я знала, что мне должно быть совестно или хотя бы неловко. Я же как-никак хорошая жена и ответственная мать. Мне уже за сорок. Как я смею так себя чувствовать? В моем возрасте светиться не положено. Не положено сомневаться, правильно ли я живу. Сорок – время увядать, как увяли мои груди после окончания вскармливания. Сорок – время становиться невидимой, растворяться в толпе других, таких же ненужных и неважных. Но я не желала становиться невидимой. Напротив, мне хотелось, чтобы меня замечали, хотелось большего, но я еще не понимала, что это значит.

Чтобы заполнить пустоту, я начала есть. Вечерами я устраивала себе праздник желудка: шоколад, чипсы, пирожные. Я сидела на диване с Майком и смотрела телевизор в тишине, которую не нарушало ничего, кроме звуков жевания. От этого мне становилось физически плохо, и на следующий день я клялась сесть на строгую диету, но каждый раз нарушала клятву.

¹ Жаклин Ли Бувье Кеннеди Онассис – первая леди США, законодательница моды.

Сначала мне казалось, что это лишь период. Что всему причиной гормональный дисбаланс и нужно просто принять таблетку или начать медитировать. Я занялась йогой и дыхательными практиками, потом даже попробовала зеленые соки, которые все так хвалят. Соки оказались редкостной гадостью. Одним словом, я надеялась, что гроза пройдет мимо и скоро все вернется на круги своя. Я буду и дальше жить так, как жила последние семь лет, и мне перестанет мерещиться, что я медленно умираю.

К счастью, этого не случилось. К счастью, стало только хуже.

Глава первая. Кризис

Я стою на краю и смотрю вниз. Солнце бьет в лицо. Я знаю, что на самом деле вокруг холодно, но не чувствую этого. Сердце выпрыгивает из груди, мне страшно, но я не могу перестать улыбаться. Я сделала это. Я здесь, и через несколько минут все закончится. Он говорит: «Ты сможешь», а я думаю: «Смогу ли?» Делаю шаг. Отпускаю перила. Выключаю мозг. Глубокий вдох, ТРИ, ДВА, ОДИН, ПРЫЖОК.

Год назад я нашла уплотнение в правой груди. Выйдя из душа, я мазалась лосьоном – у меня очень редко находилось время это сделать – и вдруг нащупала нечто странное. Стараясь не паниковать, я погуглила «уплотнение в груди» и прочла все, что мне выдал поиск. После этого я решила поступить как ответственный взрослый человек, а не как мой муж при любых симптомах (Майк не идет к врачу, а неделями ноет, жалуется и сводит меня с ума). Я все-таки мама, подумала я, мне некогда болеть. Если со мной что-то не так, нужно немедленно разобраться. Поэтому я записалась на первую в жизни маммограмму.

Через неделю мне ее сделали и сказали, что все в порядке. Звучало сомнительно: моя грудь выглядела так, будто по ней прошлись катком и превратили ее в блинчик, а соски закрутили спиралькой под углом, который казался физически невозможным. Правый сосок смотрел в одну сторону, левый – в другую. Я стояла в рубашке с прорезью на спине, еле сдерживая слезы, и думала: «Блин, как же это круто – быть женщиной!» Медсестра сказала: «Не шевелитесь, иначе придется повторить процедуру». Фантастика. Наконец меня отправили домой с еще более плоской грудью и невероятным уважением к женщинам, которые проходят эту болезненную процедуру регулярно.

Чуть позже, когда я кормила детей ужином, мне позвонила медсестра из клиники. Она произнесла слова, которые никто не хочет слышать никогда: «Мы кое-что обнаружили».

Время остановилось.

Я держала горячий противень с рыбными палочками, который только что достала из духовки, и пыталась не уронить его кому-нибудь на голову, одновременно прижимая телефон к уху. Медсестра объясняла, что они, возможно, обнаружили ранние признаки рака в моей левой груди. Она попросила меня прийти на повторное обследование как можно скорее и спросила, когда я свободна.

Она говорила примерно 30 секунд, но за это время перед моими глазами пронеслась вся жизнь, включая будущее, в котором меня нет. Все события в жизни дочерей, которые я пропущу, от выпускных до первых свиданий; все, чем я не успела с ними поделиться. А вдруг мне не хватит времени научить Майку делать им хвостики? Клянусь, я миллион раз пыталась, но он так и не понял. Я также осознала, как глупо чувствовать себя виноватой за то, что не готовлю «домашнюю еду», и за прочую ерунду, на которую я потратила столько драгоценного времени и нервов за последние семь лет. Я поняла, что все это фигня.

Я стояла с противнем в руке, дети орали, а собака принялась совокупляться с моей ногой, как делает всегда, когда у нее стресс. И тут у меня возникла совсем другая мысль.

Я должна прыгнуть с тарзанкой.

Да, звучит странно. Когда я рассказываю эту историю, люди обычно не знают, смеяться или сочувствовать, потому что теперь ясно как день: я чокнутая. Вероятно, следует сделать и то и другое. Но тогда это показалось мне абсолютно логичным. Мысль... нет, осознание, что

время летит и жизнь на этой планете не вечна, заставило меня вспомнить все, что я когда-либо хотела совершить, но по тем или иным причинам не совершила. Список непрожитых мгновений. У каждого он есть и включает все, что мы обещаем себе сделать «как-нибудь в другой раз», «в следующем году» или «завтра». Все это нахлынуло на меня разом, и я поняла, что должна жить СЕЙЧАС. И это должна быть моя жизнь, а не чья-то еще, ведь она такая хрупкая и ценная.

Я поняла, что нельзя напрасно тратить ни минуты. В последующие месяцы это чувство росло и обретало конкретные очертания. Оно стало первым шагом к моей новой жизни.

Оглядываясь на последние несколько лет, я поняла, что потерялась в рутине. Каждый день проходил одинаково. Я искала детские ботинки, подавала завтрак, отвозила девочек в сад, надев куртку поверх пижамы, убиралась в доме, помогала делать домашнее задание. Играла единственную роль, которую знала, а внутри меня тикала бомба замедленного действия. Ужасно, но правда: я думала все бросить. Представляла, как соберу вещи и убегу. Как стану свободной и ни разу не оглянусь. Мысль пугала меня до чертиков и вызывала такое страшное чувство вины, что я ни с кем ею не делилась, даже с близкими. Только потом я узнала, что многим женщинам знакомо такое желание.

Но вслух об этом не говорят.

Тем вечером после звонка медсестры я прочла детям на одну сказку больше обычного. Я старалась не сердиться, даже когда они хныкали. Я крепко обняла их, а когда они уснули, любовалась их мордашками и гадала, какой станет наша жизнь через год.

Наутро, забросив детей в школу, я вернулась домой, встала посреди кухни и оглядела беспорядок. Дочь забыла бутылку с водой, хотя я сто раз напомнила положить ее в рюкзак; другая дочь опрокинула хлопья с молоком, и те застыли на полу липкой массой. В доме было тихо, даже собака спала, и пустота ощущалась особенно остро.

Я не стала прибираться, загружать посудомойку, включать стиралку и готовить обед, как обычно; вместо этого я пробормотала «к черту все» и решила прогуляться по лесу.

В следующие несколько недель лес стал убежищем, где я могла быть собой, ни на кого не оглядываясь. Я начала гулять там с Флаффи, нашей собакой. Сначала я приходила всего на полчаса: бродила, проваливаясь во влажную землю, вдыхала запах травы и слушала журчание ручьев. Но каждый день я задерживалась все дольше. Я изучала тропинки, слушала музыку и размышляла. Как же так? У меня вроде есть все – что бы это ни значило, – но я почему-то совсем не счастлива и невероятно устала.

Помню, как я плакала, обдумывая варианты, которые мне предложили в клинике. Вторая маммограмма дала неоднозначные результаты, и мне посоветовали или сделать биопсию, или вернуться через полгода и снова пройти обследование, надеясь, что ничего не изменится. Я попыталась убедить себя, что меня спасет позитивный настрой – он уже помог пять лет назад, когда я чуть не умерла во время родов. Вот только сейчас я боролась не за своих близняшек, а за себя. Это оказалось намного сложнее.

Сразу скажу, что я все-таки решила подождать и снова провериться, надеясь на чудо. К счастью, через полгода третья, и последняя, маммограмма подтвердила, что раком груди я не больна. Но в эти месяцы я чувствовала: с моим телом что-то происходит. Оно просыпалось, как набухающая почка, и я не знала, что делать. Я вспомнила, как после тридцати начала чувствовать свою матку. Она болела, потому что мне очень хотелось ребенка, а я не могла забере-

менять. Теперь матка отключалась. Я ощущала это физически, но было кое-что еще. Поначалу я ничего не понимала – думала, просто неделя выдалась странная. Но как-то вечером, через несколько дней после звонка из клиники, мы с подругой Эвой болтали за бокалом белого вина на кухне. Дети и муж уже легли спать, и вдруг до меня дошло.

Мне хотелось секса.

Я знаю, это странно. Уныние, смятение, страх смерти... и вдруг мысли о сексе? Как такое вообще возможно? Но Эва рассказывала о своих нерегулярных месячных: она подозревала у себя раннюю менопаузу и начала принимать порошок перуанской маки, который вроде бы помогает сбалансировать женские гормоны. Да-да, мы с Эвой вели настоящий взрослый разговор о болезнях. Словно какие-то старушки.

Тут я замерла и подумала, что, возможно, тоже приближаюсь к менопаузе. Сколько же лет мне осталось, прежде чем секс будет для меня потерян окончательно и покатится в тартарары все то небольшое, что пока еще не там?

Я не ожидала, что такие мысли придут мне в голову вскоре после новости о возможном смертельном заболевании. Но в том, что я хотела секса, хотела почувствовать себя желанной, не было ничего странного – это лишь означало, что я хочу жить. Вечерами мы с Майком постоянно торчали на диване перед телевизором. Это вдруг показалось мне таким бессмысленным! Мы были женаты восемь лет, и, скажем прямо, искра погасла давно. Мы не то чтобы ругались – это тоже осталось в прошлом; мы просто сдались, опустили руки. Зато мы регулярно наведывались на кухню: открыть холодильник, достать еду, открыть рот, положить еду, и так снова, и снова, и снова, день за днем, лишь бы только не разговаривать, не прикасаться друг к другу и не двигаться. Я больше не могла этого выносить. Мне хотелось вскочить с дивана, хотелось прыгать, бегать, танцевать и заниматься сексом. Все равно с кем.

Вот какие безумные мысли крутились в голове, пока я гуглила порошок перуанской маки и другие добавки, которые можно принимать перорально или вагинально, чтобы не превратиться в иссохшую черносливину. И именно тогда впервые с рождения детей я почувствовала себя немного похожей на себя настоящую. Я подумала: «А ведь я сексуальная женщина, а не какая-то там тряпочка для утирания детских соплей, которую никто не замечает и которая живет для кого угодно, но только не для себя».

Так начался мой кризис. По правде говоря, это был не кризис даже, а пробуждение, и жаль, что оно не случилось раньше. Возможно, кризис объяснялся гормонами и возрастом. Возможно, катализатором послужил звонок из клиники и факт, что я не знала, сколько мне осталось, но, если задуматься, кто из нас знает, сколько проживет? А может, все дело было в выпитом вине или биологических часах, не замедляющих ход ни на секунду, или я просто устала от череды дней сурка. Так или иначе, я решила во что бы то ни стало выяснить или вспомнить, кто же я такая.

Тем вечером, когда Эва ушла, я села и составила список всего, что мне хочется сделать, всего, что хотелось попробовать, но не доходили руки, или же я думала, что слишком стара для таких шалостей. Там были и увлечения, которые я забросила, и то, чем я прежде не мечтала заняться всерьез, но это казалось прикольным, и вызовы самой себе. Прыжок с тарзанкой, танец с шестом, девичник на Ибице, фотосессия ню, розовый цвет волос, собственная книга, женский стендап, поход к базовому лагерю Эвереста. Один пункт безумнее другого, и я дала себе на них год. Список был даже не полный – мне кажется, у всех нас их несколько и они постоянно меняются. Так что, можно сказать, это был мой текущий список, и я не надеялась осуществить все пункты. Но я планировала постараться.

На следующий день я записалась на прыжок с тарзанкой – пункт номер один списка, – и мое путешествие началось.

Глава вторая. Папина дочка

В детстве мне все время твердили: «Будь хорошей девочкой». И я была.

Я росла в 1980-е и на первый взгляд жила счастливо. У меня были брат и сестра, жили мы в Иерусалиме. Я любила ходить в школу и гулять с друзьями. Мы встречались во дворе, забирались на крышу автобусной остановки и сидели там, пока мамы не звали нас к ужину. Мы катались на великах и отмечали дни рождения друг друга, где танцевали медленные танцы. Мы давали мамам поспать с двух до четырех дня, смотрели подростковые романтические комедии на видеокассетах, играли в «Пакмана» и пили кока-колу вместо воды. Одним словом, у меня было прекрасное детство и я не так уж стара. А мода 1980-х? Люди вечно смеются над пышными «химиями» и гетрами, но мне больше всего запомнилось, каким шиком считалось носить носки, свитеры и резинки одного цвета. Я расписала по цветам всю неделю: понедельник – красный, вторник – зеленый, среда – белый и так далее. Нам казалось, что круче нас никто не одевается.

Я всегда была «той, у кого все под контролем». Многие старшие дети берут на себя эту роль. Например, именно я шутила за обеденным столом, когда требовалось разрядить обстановку или когда родители ругались.

Мне часто казалось, что в семье меня никто не понимает. Они будто видели меня только с одной стороны. Они видели меня ответственной, умеющей формулировать мысли и говорить о политике, умной, улыбчивой. И никто не подозревал о том, что у меня есть внутренний мир, что я хочу быть актрисой, сочиняю истории и рассказываю их своей собаке Сатти или записываю и не показываю никому. Никто не знал, что мне бывает грустно, что я чувствую себя нелюбимой и одинокой, а необходимость носить маску и играть роль выматывает меня. Никто не догадывался о моих мечтах, все замечали только мои успехи, и уже в детстве я отказалась от мысли открыть окружающим, что я собой представляю. Я лишь играла роль, которую мне навязали.

По будням мы с папой редко виделись. Он работал допоздна и чаще всего возвращался домой, когда мы, дети, уже спали. Можно сказать, мама воспитывала нас одна, и, задумываясь об этом сейчас, я, честно говоря, не понимаю, как ей это удавалось. Помню, как мы проводили лето: отец оставался дома, а мы с мамой ехали в Ирландию навестить бабушку и дедушку. Трое детей, два чемодана, набитых вещами на все лето, коробка «Мальборо лайтс». Тогда еще ни у кого не было ни айпадов, ни смартфонов, чтобы уткнуться в них детей в самолете (признайтесь, все так делали). Однажды мы опоздали на стыковочный рейс из Нью-Йорка. Дело было ночью, и мама отчаянно искала нам ночлег в незнакомом городе, мы же играли на эскалаторе в аэропорту: висели на поручнях, ехали сначала вниз, потом вверх, и это казалось лучше Диснейленда. Помню, как смотрела на маму – та стояла у авиакасс и пыталась найти другой рейс – и не понимала, почему она нервничает.

В детстве субботнее утро было для нас особенным. Мы забирались в кровать к отцу и боролись с ним. Целью игры было прижать его к матрасу; когда нам удавалось это сделать, он вырывался и скидывал нас. Мама кричала: «Все закончится слезами», и была права, но нас это не волновало. Для нас это был лучший момент за всю неделю, и мы никому не позволили бы нам помешать.

Папа был моим героем и первой любовью. Однажды вечером родители ругались, и я выскочила из кровати, чтобы защитить его. Не знаю, из-за чего началась ссора, – помню лишь, что они кричали, а мама плакала. На ней была белая ночная рубашка, она стояла босиком; я замерла между ними и раскинула руки. Глупая! Моя мама крошечная, а отец был и по-прежнему остается очень сильным и физически, и по характеру – вряд ли она смогла бы его обидеть. Ругались они всегда яростно. Полагаю, в их ссорах было немало страсти, агрессивной страсти, которая никому не шла на пользу. В глазах восьмилетней девочки, отчаянно влюбленной в своего отца, такое поведение выглядело диким. Я пока не видела нюансов, не знала причину скандалов, не вникала, кто виноват. Я лишь видела, что мама кричит, а отец терпит, словно жертва. Я часто задаюсь вопросом, как другие дети воспринимают родительские ссоры и одна ли я делала такой вывод. Я почему-то чувствовала ответственность за скандалы, и это стало причиной моего одиночества. Брат с сестрой будто выросли в другом доме: они, кажется, никогда ничего не замечали.

По вечерам я сидела на верхней ступеньке лестницы и слушала родителей. Они думали, что я сплю. Так я узнала, что такое любовницы в номерах отелей; увидела, как одежду выбрасывают из окна; услышала крики и поняла, как действует на людей водка. Много водки.

Папа был для меня всем и почти все детство казался непогрешимым. Он говорил мне, что его машина умеет летать, что он видит сквозь стены, что он самый сильный человек на земле. И я верила. Когда я не могла уснуть, он садился у моей кровати и теребил мне волосы, порой часами, пока я не засыпала. «Люблю тебя до Луны и обратно и до самого дна океана» – такая у нас была присказка, но она даже близко не описывала величину моей любви к нему. Он меня баловал. Привозил тонны подарков из командировок. Помню, однажды он вернулся поздно вечером и разбудил меня, чтобы поздороваться. Я открыла глаза, увидела гору игрушек на полу у кровати и подскочила от радости. На следующий день я соврала, что плохо себя чувствую, чтобы остаться дома и играть со всем этим.

А потом я узнала, что он не идеален.

В жизни большинства детей наступает момент, когда они узнают, что их родители – просто люди. Мне было лет двенадцать, когда я поняла это про отца. Из того, кто был всем моим миром, он превратился в обычного человека, вовсе не безупречного. Как многим папиным дочкам, мне было сложно примириться с этим открытием. Лишь через много лет я осознала: то, что он был плохим мужем, не делает его плохим отцом.

Папа стал для меня источником противоречий. С одной стороны, он твердил, что я должна быть умной, учиться, чтобы всего достичь и не наделать ошибок. Он уверял меня, что мужчинам нужно «только одно», а когда я стала подростком, не верил, что я могу сделать пра-

вильный выбор. Меня загоняли домой до нелепости рано, я первой уходила с вечеринок, он не разрешал мне ночевать даже у подруг, не то что у парней. Он также ясно дал мне понять: факт, что я родилась девочкой, всегда будет для меня препятствием. Уверена, он не хотел этого, но я помню, как однажды он сказал, что, будь я мужчиной, меня было бы не остановить. С тех пор я потратила много лет, пытаюсь доказать ему, что меня не остановить, хоть я и женщина.

С раннего детства я понимала, что мой пол – это бесконечные ограничения. Большинство женщин в моем окружении сидели дома, растили детей и готовили ужины, в то время как мужчины работали, пили виски с колой и курили сигары, принимали решения и контролировали финансы. Я часто слышала, как мама и ее подруги жаловались, что в браке ощущают себя беспомощными и попавшими в капкан.

По выходным мы с двоюродными братьями, сестрами, тетями и дядями устраивали большой пикник в лесу. Я до сих пор помню запах сухой земли и сосновых шишек, жару, музыку, красные щеки моих дядей, наслаждающихся виски. Мужчины сидели за столом, а женщины сновали с тарелками, как официантки, и утихомиривали детей. Помню, я очень жалела, что не родилась мальчиком.

Папа долго поддерживал меня финансово, даже когда мне перевалило за двадцать. Он оплатил мое образование, и за это я буду ему вечно благодарна. С ранних лет он внушал мне, что я должна окончить университет и стать независимой, подталкивал меня к адвокатской карьере. Тогда мне не хватало духу сказать, что я не этим хочу заниматься, что юриспруденция – не мое. Одна из главных причин, почему я молчала, – страх: вдруг, выбрав другую карьеру, я попросту его разочарую? Как ни парадоксально, даже когда я перестала быть юристом, образование продолжало помогать мне в жизни. Но я так и не смогла отделаться от чувства вины. Это не дает мне покоя каждый раз, когда мы с папой видимся: нет ничего хуже ощущения, что ты подвела родителей. Даже если тебе сорок и ты знаешь, что сделала правильный выбор.

Мои отношения с отцом менялись по мере взросления. Из папиной дочки я превратилась в женщину, которую он толком не знал. Для него, наверное, ничего по существу не изменилось, но мне было сложно поверить, что он любит меня вопреки всему. Я думала, что, если бы он знал меня – не ту, какой представляет, а настоящую, – этого было бы недостаточно. Я очень боялась этого, но еще больше устала притворяться кем-то другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.